

„МИЛОЕ ЧУДО“.

Пьеса г. Ярцева, поставленная въ четвертъ у Незлобина, «провалилась» самымъ рѣшительнымъ и безповоротнымъ образомъ. И пусть авторъ не утѣшается примѣромъ чеховской «Чайки», которую не сумѣли поставить на Александринской сценѣ, которую не сумѣла понять петербургская публика перваго представленія чудесной чеховской пьесы.

Конечно «Милое чудо»,—да и никакая другая пьеса,—разъ она не оскорбляетъ общественнаго чувства,—не заслуживаетъ того, поистинѣ возмутительнаго, совершенно неприличнаго приема, какой былъ ей оказанъ—увы—большинствомъ публики. Этотъ громкій демонстративный, подчеркнутый-искусственный кашель, не смѣхъ, а настоящій хохотъ въ драматическихъ мѣстахъ пьесы, доведшій бѣдныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ артистокъ, исполнявшихъ главныя роли, чуть ли не до истерикъ,—все это, конечно, не голосъ той публики, мнѣніе которой можетъ быть цѣнно и интересно для автора.

Но все-таки пьеса г. Ярцева—какъ пьеса, какъ драма, написанная для театральнаго исполненія—слабая вещь.

Въ старомъ, разрушающемся домѣ, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшемъ среди многоэтажныхъ великановъ современнаго города, еще теплится заморающая жизнь. «Если бы не было дѣтей, можно было бы подумать, что въ немъ никто не живетъ». И только четыре молодыхъ жепскихъ души страстно и трепетно ждутъ «милаго чуда»—великой любви, которая придетъ. Ждутъ и вѣрятъ. Красивые, прозрачные образы. Вродѣ тѣхъ, въ какія воплотить Борисовъ-Мусатовъ, нѣжные, красочныя грезы своего «Реквиема»... И образы, совершенно неподдающіеся воплощенію на театральнахъ подмосткахъ. Ждать «милаго чуда» и вѣрить въ него—развѣ это тема для четырехъ-актной пьесы? Быть можетъ, небольшой, лирическій рассказъ, въ родѣ изящныхъ рассказовъ Петера Альтенберга, вродѣ Тургеневскаго стихотворенія въ прозѣ и могъ бы создать рамку для такого хрупкаго, интимнаго сюжета, быть можетъ, даже небольшой, одноактный драматическій этюдъ, но не пьеса въ четырехъ актахъ, въ которой нѣтъ и не можетъ быть «дѣйствія»—перваго и необходимѣйшаго качества драмы.

Все дѣйствіе третьяго акта,—вызвавшаго особенный демонстративный шумъ въ зрительномъ залѣ,—состоитъ, напимѣръ, въ томъ, что гдѣ то въ темномъ углу, съ правой стороны авансцены, Трубецкой, женихъ младшей сестры Кати—цѣлуетъ старшую сестру Анну. И пока происходитъ

это въ одномъ углу сцены, въ другомъ углу два старика—отецъ и другъ его Шлугъ—разсказываютъ другъ другу какія то совершенно не относящіяся къ ходу пьесы исторіи своей молодости.

Неудачная mise en scèn'a заставляетъ вниманіе раздвигаться и поэтичная по замыслу сцена, дѣйствительно, начинается наконецъ производить впечатлѣніе какой-то пародіи на «пьесу съ настроеніемъ».

А четвертый актъ?

Сестры уѣзжаютъ изъ стараго дома. Онѣ выходятъ на дворъ въ пальто и шляпахъ и цѣлый актъ разговариваютъ вдвоемъ, на одну лишь минуту прерываемыя появленіемъ Насти,—и все никакъ не могутъ уѣхать. И слѣдить за ихъ разговоромъ становится утомительно и скучно.

Быть можетъ, въ другой постановкѣ, полной истиннаго художественнаго настроенія, какое умѣютъ создавать на сценѣ только маги Камергерскаго переулка,—эта хрупкая вещь и перенесла бы грубое прикосновеніе сценическихъ подмостковъ. Но г. Коммиссаржевскій сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, дабы окончательно погубить пьесу. И настроеніе замѣнилъ какой-то выставкой восковыхъ фигуръ, неподвижно сидящихъ, или какъ автоматы двигающихся по сценѣ. Безконечныя паузы, темнота на сценѣ, набившая оскомину музыка и всякіе другіе «звуки» за сценой, дѣйствующія лица, появляющіяся изъ сукна всей одной и той же боковой кулисы со свѣчками въ рукахъ,—все это не только не создавало настроенія, но, напротивъ, усиливало лишь впечатлѣніе пародіи.

Нѣкоторымъ понравилась декорация. По моему, онѣ не выдержаны, не стильны. Что это за фантастическій домъ? Деревянный, покосившійся особнякъ, показанный въ послѣднемъ актѣ; въ немъ должны быть уютныя, небольшія комнаты, загроможденные неуклюжей и милой старинной мебелью, съ наивными картинами на стѣнахъ, съ портретами въ узкихъ рамкахъ; въ немъ долженъ быть залъ съ колоннами, съ чопорнымъ рядомъ стульевъ по стѣнамъ, съ стариннымъ роялемъ, а не какой-то мрачный сарай съ одиноко стоящимъ въ углу диваномъ и круглымъ столомъ передъ нимъ и еще болѣе странной дверью, совершенно не соответствующей стилю русскаго стріа, къ которому принадлежитъ большинство сохранившихся въ Москвѣ барскихъ особняковъ...

Про игру артистовъ при тѣхъ необычайныхъ условіяхъ, въ какихъ прошла премьера,—говорить трудно.

Г-жа Вульфъ и Лядова подверглись ужаснымъ и совершенно незаслуженнымъ испытаніямъ, и надо лишь удивляться ихъ самообладанію, благодаря которому онѣ все-таки довели до конца пьесу. Образовъ, тѣхъ мусатовскихъ фигуръ, о которыхъ я говорилъ раньше, во всякомъ случаѣ, не дали. Даже и съ внѣшней стороны. И тутъ, быть можетъ, опять вина тѣхъ, кто ставилъ пьесу. Какіе-то фантастическіе костюмы, не относящіеся ни къ какому опредѣленному стилю

или эпохъ, старомодныя шляпы, не ставшія модными, и ставшія модными старомодныя прически. И это не у нихъ однихъ. Современный костюмъ Трубецкого, обыкновенные костюмы въ одномъ актѣ у матери и какой-то странный капоръ въ другомъ... Все это отдавало какой-то мало интересной и не художественной претензіей. Среди того хаоса, который царилъ въ зрительномъ залѣ, и первнаго напряженія на сценѣ, можно было все-таки уловить хорошее исполненіе г-жей Васильевой—роли матери. Создалъ фигуру типичную и живую и далъ прекрасный характерный гримъ г. Аслановъ, игравшій Шлуга, «бывшаго корнета гусарскаго».

Ал. См.